

Хаджар повесил на грудь золотой жетон. Серебряный, предварительно, был сдан Наставнику Жану. Не то чтобы куратор учеников внешнего круга верил в потенциал двух друзей, просто по регламенту был обязан взять с собой, на всякий случай, два жетона полноправных учеников.

- Интересно, как справится твой товарищ.

На удивление, Жан действительно выглядел заинтересованным в происходящем. Выступление Хаджара его сильно впечатлило. Стоило надеяться, что друг такой выдающейся (по меркам внешнего круга) личности тоже не окажется посредственностью.

- И этот туда же?

- Может они оба сошли с ума?

- Нет, скорее нашли какую-то специальную технику!

Хаджар, на этот раз замечательно слыша все переговоры, лишь только улыбался. Он прекрасно понимал, что Эйнен тоже не упустит возможности “бесплатно” потренироваться. Особенно когда сама школа Святого Неба предоставляет для обучения лучшее, из возможных, оборудование, создавая при этом идеальные условия.

Лысый, по примеру своего северного товарища, положив перед собой шест-копье, уселся в позе лотоса. Глаза он и без того всегда держал закрытыми, так что выглядело это, может, не так внушительно, как и в исполнении Хаджара.

- Начали, - скомандовал Наставник.

Со стороны происходящее оказалось даже еще душещипательнее, нежели когда Хаджар сам, непосредственно, находился внутри щита.

Помимо голосов зрителей, обсуждавших разворачивающееся на помосте действие, он теперь мог увидеть артефакт во всей его красоте.

Вновь, одновременно с командой Наставника, из сферы с заключенной в ней иероглифом, вылетело облако силы. Первозданной, чистой и незамутненной.

Сложно представить, что такой концентрат энергии мог сотворить с простым адептом. Да что там простым - никто, из известных Хаджару адептов, включая Повелителей, не устоял бы перед этой мощью.

Теперь он понимал это даже яснее, чем прежде.

- Техника!

После второй команды облако начало сгущаться, уплотняться, пока не приняло форму шеста-копья. Одного из самых редких видов оружия. За всю жизнь, за исключением Эйнена, он больше не встречал никого, кто владел бы подобным.

Разве что - Травес. Но тот являлся драконом, что, в целом, не считается.

- Что это за техника?

- Понятия не имею!

- Впервые вижу!

Хаджар и сам, обо все глаза, смотрел за тем, как шест-копье принимает форму крылатого змея. Энергия и мистерии Духа Шеста-Копья, кружившие вокруг созданного из чистой силы оружия, обретали очертания дикого монстра.

- Проклятье, - выдохнул Хаджар.

Даже сквозь щит он ощущал невероятное давление техники. Он сомневался в том, что если бы он сейчас, в своем полном боевом облачении, оказался на пути этого змея, то рискнул бы попытаться выполнить блок.

Неизвестная зрителям техника обладала столь мощной сокрытой внутри скоростью и проникающей способностью, что даже Императорский доспех оказался бы перед ней не плотнее, чем простой лист железа перед копьем.

Эйнен же и не думал двигаться.

Все так же сидя в позе лотоса, он поднял перед собой руку. В тот же момент вокруг него закружился вихрь радужной энергии, которая порой поблескивала на манер рыбьей чешуи на солнце.

Змея-Техника, взмахнув крыльями, взмыл в небо. От его движений расходилось эхо в форме перьев. Те легко пронзали помост и уходили на метр в землю. Вонзаясь в щит, они заставляли его вспыхивать энергией, а затем сгорели в её отсветах.

Техника закружилась в воздухе, свиваясь кольцами из призрачного шлейфа. Мало было скорости и проникающей способности, она еще и могла нанести удар с самой неожиданной точки и траектории.

Момент удара не смог разглядеть ни один из зрителей, кроме непосредственно Наставника Жана. Для того все произошло достаточно быстро.

Для простых адептов - в какой-то момент техника вилась над головой Эйнена, а в другой - клыки-копья энергетического змея уже впивались в радужный столп силы, окруживший островитянина.

- Великая Черепаха, - шептал Хаджар, глядя на проходящую в полной тишине борьбу. - Ты меня не знаешь, а я никогда прежде к тебе не обращался. Но если ты меня слышишь, то, прошу, дай своему сыну сил для борьбы.

Эйнен, выдерживая давление сравнимое с ударом Пикового Небесного Солдата, сосредоточенного в точке, не больше булавочной головки, всматривался внутрь себя самого.

За время похода по Долине Болот и, в особенности, битвы с учениками вражеских школ, успел ухватиться за несколько мистерий, но только никак не мог понять, как они были связаны с путем Духа Меча. Точно так же, как он не мог понять, почему с момента битвы никак не может выбросить из головы одно воспоминание.

***

Молодому Эйнену всегда нравилось смотреть на закаты. На то, как уставшее солнце, медленно погружалось в бескрайние воды моря. Как небольшие волны ласкали его, заставляя покрываться алым румянцем, окрашивавшем небо в тон, сравнимый лишь с цветом щек юной, влюбленной девы.

Он часто следил за тем, как коралловые облака плыли по небу. Иногда ему казалось, что он терялся среди них, стремясь быть таким же - спокойным и всезнающим. Ведь кто, как не облака, видя все ужасы, что происходят на земле, продолжали оставаться белыми и холодными.

Забираясь на мачту, выгоняя из бочки дозорного, Эйнен и сам, порой, часами мог нести вахту, вглядываясь в слияние горизонта с морской гладью.

И, возможно, именно поэтому, он терпеть не мог, когда битвы с вражескими кораблями заканчивались к вечеру.

Теперь алым окрашивалось не только небо и гребни волн, но и сами воды. Так много в них было крови, а многочисленные обломки суден полыхали ярким пламенем.

Оно никогда не согревало. Скорее пугало. Тот, кто никто не видел, как горит корабль в море, не сможет понять ужаса, который испытывал человек, находящийся в центре двух первородных стихий.

Огонь и вода никогда не были хорошими соседями. Когда же они боролись друг с другом, то любой, кто попадал между ними, был заранее обречен на гибель.

Выживших в море никогда не добивали. Просто не видели в этом необходимости. С чем не справилась картечь, куда не дотянулась абордажная сабля, с тем, обязательно, разберется само море.

- Опять ты здесь, - прозвучал голос позади.

Эйнен обернулся. На рее, прислонившись плечом к мачте, стоял его отец. Он не был высокого роста и не обладал мощной конституцией.

Сухой и поджарый, с одним глазом, множеством шрамов на лице и кинжалом, который никогда не покидал его правой руки. Просто потому, что однажды её - руку, покинула кисть и теперь вместо неё красовалось лезвие клинка.

- Мне нравится любоваться закатом, - почти не соврал Эйнен.

Отец с детства учил его пользоваться полуправдой и недосказанностью. Он говорил, что однажды это умение, возможно, спасет ему жизнь.

- Или не нравится слушать крики умирающих, - улыбнулся жуткой, желтоватой улыбкой, бывалый пират, контрабандист и торговец рабами.

Отец Эйнена занимался на море всем, что могло пощекотать его нервы и принести прибыль.

- Можно к тебе?

Немного подумав, Эйнен отодвинулся в сторону, освобождая в тесной бочке достаточно пространства, чтобы туда мог втиснуться еще один человек. Что его отец не промедлил

сделать.

Какое-то время они оба молча вглядывались вдаль.

- Однажды ты уплывешь туда, - внезапно, полным печали голосом, произнес его отец. Эйнен хотел было тут же возразить, что не покинет семью, но отец прервал его властным жестом. - Пусть у меня только и один глаз, - он непроизвольно коснулся повязки на левом глазу. - но это не значит, что я стал меньше видеть. Ты уйдешь, я знаю. Не надо отрицать.

Эйнен не стал. Этим вечером, сдирая до крови свои руки, пытаюсь очистить их от крови ограбленных честных морских торговцев, он твердо решил, что в следующий заход в порт точно уйдет.

Он просто не мог... больше не мог так жить.

Сомневался и до жути боялся, что если останется, то в следующий раз он будет смывать с рук кровь не торговцев, а... его собственного отца.

- Я люблю тебя, сын.

Эйнен вздрогнул. Он не слышал этих слов от отца уже очень давно.

- Держи, - на край бочки, практически полностью её пересекая, лег сверток. - я не стану наставлять тебя в путь, сын мой. Лишь пожелаю одного - найти, однажды, причину обнажать оружие.

Это был последний раз, когда он видел своего отца.

***

Причина обнажить клинок... в чем она была? Эйнен никогда не искал славы. Не искал славы. Денег. Войны. Ненужной крови.

Все, что они искал - мира и покоя. Таких же, что испытывали плывущие по небу облака. Но, как никто другой, Эйнен знал, что за мир и покой нужно сражаться.

Сражаться, чтобы защитить!

- Стой, - произнес Эйнен.

В одном этом слове, внезапно, оказалось столько мистерий Духа Шеста-Копья, что они сформировались в оружие. Вот только оно не было направлено в неистовом выпаде, а закружилось в танце, внутри которого, как внутри крепости, продолжал сидеть Эйнен.

Его путь, его Копье в Сердце, заключалось в способности защитить то, что было ему дорого.

Мир. Друзей. Себя.

Крылатый змей, натолкнувшись на невероятную защиту, оказался мгновенно развеян в пыль.